

Э. Р. Нигматуллина
Москва, Россия

ЭМОТИВЫ В АНГЛОЯЗЫЧНОМ ПОЛИТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ: РОЛЬ И УСЛОВИЯ РЕАЛИЗАЦИИ

АННОТАЦИЯ. Целью статьи является рассмотрение указаний на эмоции, реализующихся в современном англоязычном политическом дискурсе, и определение контекстуальных условий их функционирования. Обращение к изучению эмотивов в англоязычном политическом дискурсе представляется в настоящее время очень актуальным в рамках исследования механизмов воздействия на общественное мнение в условиях политической конкуренции. Материалом для исследования послужило 170 статей общественно-политической тематики, опубликованных с июля 2016 года по январь 2018 года. К эмотивам, т. е. указаниям на эмоции, относятся обозначения эмоций, обозначения эмоциональных состояний и проявлений эмоций. Определяется ряд контекстуальных условий, способствующих появлению эмотивов в англоязычном политическом дискурсе. В качестве основания таких условий в большинстве случаев в рассмотренном материале выступает метафорическая концептуализация. Анализируются наиболее популярные метафорические способы представления: персонификация (политическая сила представляется как носитель эмоции), объективация (перенесение эмоции в материальный мир и представление в виде объекта, который можно получить или отдать), движение (переход от одного эмоционального состояния к другому). Политика, будучи сферой поиска доказательств неких идеологических установок и борьбы за власть, является и областью воздействия на общественное мнение, и проведенный анализ показывает, что прагматические цели автора подкрепляются отчетливо проявляющимся эмоциональным фоном, в связи с чем большую роль в политическом тексте в последнее время начинают играть лексические единицы, служащие указаниями на эмоциональную реакцию участников событий.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: политический дискурс; эмотиология; эмотивы; типология эмотивов; концептуальные метафоры; политическая метафорология.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ: Нигматуллина Элина Рустемовна, аспирант, соискатель кафедры лексикологии английского языка, Московский государственный лингвистический университет; 119034, Россия, Москва, ул. Остоженка, д. 38, стр. 1; e-mail: elinaniigmatullina@inbox.ru.

Различные формы проявления эмоций в тексте неоднократно становились объектом исследования в лингвистике [Шаховский 2007, 2008, 2010 (а), 2010 (б); Апресян, Апресян 1993, 2007; Вежбицкая 1990; Арютюнова 1998; Красавский 2001 (а), 2001 (б) и др.]. Однако многие аспекты обозначения эмоциональных реакций, функционирования слов, обозначающих эмоции, и особенностей выражения и восприятия эмоций в разных лингвокультурах все еще остаются недостаточно изученными.

Отметим, что большая часть работ, касающихся рассмотрения реализации эмоций в языке, выполнена на материале художественного текста [Баженова 2004; Однорова 2016; Лепеньшева 2011 и др.]. Это связано с традиционным мнением, что основным полем при изучении эмотивов является художественная литература. Наглядность образного текста, дающая обширный материал для эмотиологии, доказывает, что именно художественный текст позволяет продемонстрировать эмоционально заряженную природу человеческих мыслей и взаимоотношений и наиболее полно отражает психолингвистические, лингвокультурные и другие особенности человеческих переживаний.

Один из ведущих представителей эмотиологии В. И. Шаховский отмечает, что «любой художественный текст облигаторно воспроизводит эмоциональную жизнь людей. В художественном произведении особенно очевидно, что целью их речевой деятельности в абсолютном большинстве слу-

чаев является эмоциональный контакт (фатическая функция эмоций) или аффектация чувств (прагматическая функция эмоций)» [Шаховский 2008: 25]. Другими словами, лингвисты часто склонны видеть в художественной литературе «учебник человеческих эмоций и эмоциональной жизни языковой личности», где приводятся названия эмоций и показан набор эмоциональных ситуаций. Таким образом, художественная литература иллюстрирует функционирование эмотивов в ситуации реальной коммуникации, а значит «учит» их корректному определению, выражению и пониманию [Ивашкович, Максимова; цит. по Шаховский 2007: 24].

Принято считать, что институциональный дискурс не предоставляет широких возможностей для реализации эмотивов, и особенно это справедливо для политического дискурса.

В настоящее время нет единого общепринятого определения политического дискурса. В. З. Демьянков указывает на существование по крайней мере четырех возможных точек зрения на дефиницию и ракурс рассмотрения политического дискурса:

«— политологической — в рамках политологической интерпретации, на основании которой делаются выводы политологического характера;

— чисто филологической — как любой другой текст; однако, „боковым зрением“ исследователь смотрит на фон — политические и идеологические концепции, господствующие в мире интерпретатора,

— социопсихолингвистической — при из-

мерении эффективности для достижения скрытых или явных, — но, несомненно, политических — целей говорящего;

— индивидуально-герменевтической — при выявлении личностных смыслов автора и/или интерпретатора дискурса в определенных обстоятельствах» [Демьянков 2002: 33].

В настоящем исследовании мы понимаем **политический дискурс** как дискурс газетных и журнальных статей, посвященных описанию и интерпретации внутри- и внешнеполитических событий.

Учитывая первичную цель политического дискурса, который сводится к описанию и анализу внутригосударственных и внешнеполитических действий и событий, можно предполагать, что политический дискурс должен быть по большей части лишен описания эмоциональных проявлений, как и сама сфера политики.

Как показывает анализ, политический текст не оперирует голыми фактами: информация до читателя проходит через призму оценочных установок и чувств журналиста, излагающего и интерпретирующего сообщения. В результате политический дискурс приобретает такие важные характеристики, как эмотивность и экспрессивность, которые неоднократно являлись предметом специального исследования [Алешина 2015; Седых 2012; Сопова 2014; Чернякова 2011]. На сегодняшний день имеется ряд работ, рассматривающих элементы политического дискурса, которые обеспечивают его экспрессивность и эмотивность, т. е. реализуют эмотивное отношение к описываемым событиям со стороны автора дискурса [Гаврилов, Зарипов, Романов 2017; Обвинцева 2012 и др.]. Однако из этого рассмотрения практически выпадают прямые указания на эмоции, которые испытывают участники событий.

В связи с этим целью данной статьи является рассмотрение указаний на эмоции, реализующихся в современном англоязычном политическом дискурсе, и определение контекстуальных условий их функционирования. Обращение к изучению эмотивов в англоязычном политическом дискурсе представляется в настоящее время очень актуальным в рамках исследования механизмов воздействия на общественное мнение в условиях политической конкуренции.

Материалом для исследования послужило 170 статей общественно-политической тематики, опубликованных в журналах (*The Economist*, *The Economist USA*, *The Spectator*, *The Time*, *The Week USA*) и газетах (*The Financial Times Weekend*, *The New York Times*) и их электронных версиях за период с

июля 2016 г. по январь 2018 г.

К эмотивам, т. е. указаниям на эмоции, которые испытывают участники событий, мы относим обозначения эмоций, обозначения эмоциональных состояний и проявления эмоций.

Как показывает проведенное исследование, указания на эмоции могут принимать разные формы. Рассмотрим их подробнее.

К первой группе эмотивов были отнесены слова, обозначающие эмоции и чувства. Необходимо отметить, что деление на чувства и эмоции условно, однако, несмотря на то что в психологической науке данные явления часто рассматриваются отдельно как различные по происхождению, функционированию и другим отличительным особенностям [Ильин 2013: 283—285], для целей нашего чисто лингвистического исследования мы объединяем их в одну группу. Примерами лексических единиц данной группы являются *hope*, *believe*, *desire*, *surprise*, *pleasure*, *passion*, *disgrace*, *fear*, *danger*, *anger*, *need*, *encouragement*.

Агенсом при указании на эмоцию чаще всего является некая организация, группа лиц или абстрактное существительное как носитель эмоции. Отметим, что эмотивы в таких случаях приводятся автором либо в начале, либо в середине сообщения. Приведем наиболее показательные контексты их реализации.

No great hope was held out that it would be any better by the next meeting in December [The Spectator. 21.10.2017: 7]. (1)

Republicans tried and failed last week to revive their repeal plan, which is doomed: The hard-line Freedom Caucus objects to all government subsidies for health care, while moderates in the House and Senate **fear angering** their constituents by taking insurance coverage away [The Week USA. 21.04.2017: 12]. (2)

Turkey has not shut it off in spite of **its own anger** at the referendum — it needs the money [The Spectator. 21.10.2017: 3]. (3)

Как показывают приведенные далее примеры, указания на эмоции могут быть представлены не только посредством имен существительных, но и через глагольные формы, обозначающие действие или состояние объекта, такие как *to be shocked*, *to (be) upset*, *to blame*, *to be excited*, *to cheer*, *to enjoy*, *to underwhelm*, *to be frightened*, *to soothe*, *to worry* (feel or cause to feel anxious or troubled about actual or potential problems) [OED: URL]:

To soothe army concerns, Xi made a calculated decision to inspect his troops wearing battle fatigues in this year's military parade [The Economist. 20.05.2017: 12]. (4)

Post-Christian, multicultural societies **are**

frightened of seeming to favour Christians, and so they ignore them [The Economist. 20.05.2017: 11]. (5)

Investors cheered by the game's sudden popularity added \$7.5 billion to Nintendo's market value in two days [Time. 25.07.2016: 19]. (6)

Weapons of mass destruction threaten all humanity, Americans included [The Week USA. 21.04.2017: 6]. (7)

Когда указание на эмоции передается через глагольную лексику, в качестве носителя эмоции обычно выступает некий коллективный агент — общественное мнение, человечество, группа людей (*army, multicultural societies, investors, weapons*) и т. д.

Упоминание эмоций может также принимать форму определения. В нашем материале зафиксированы такие определения, как *depressing, shocking, threatening, embarrassing* и др. Например:

The depressing truth is that Scotland and Wales are the relatively simple aspects of Brexit and devolution [The Spectator. 21.10.2017: 10]. (8)

Japan and South Korea together hold 70 percent of herbal medicine patents, while China "holds an embarrassing 0.3 percent" [The Week USA. 21.04.2017: 15]. (9)

В большинстве приведенных примеров с определениями, обозначающими эмоции, используются абстрактные существительные. В тексте с использованием таких лексических единиц автор формирует два коммуникативных фокуса. Первый фокус задает абстрактное существительное (например, *truth*), в то время как второй фокус указывает на эмоциональную реакцию субъекта (*depressing truth*).

Аналогичные конструкции прослеживаются в случае реализации эмотивов-наречий (*cheerfully, angrily* и др.):

...those abbreviations stand for credit-default swaps, collateralized debt obligations and residential mortgage-backed securities didn't help much; it just punted the explanation downfield. The language is astonishingly complex because the financial instruments themselves are, too — at least, that's what I thought at the time [The NYTM, 06.11.2016: 20]. (10)

Project Fear, as the Remain campaign was dubbed, seemed to be too certain about its predictions and projections, many of which came with suspiciously precise numbers attached, like the claim that Brexit would cost £4,300 (\$5,300) per household [The NYTM, 06.11.2016: 21]. (11)

В ряде контекстов сочетается несколько указаний на эмоции. Благодаря этому чита-

телю удается проследить общий эмоциональный фон события, что соответствует прагматической цели автора сообщения:

To Trump, precise policy details tend to be irrelevant to his larger campaign argument (...). He likes the shock and awe of his approach, with no apparent concern for the reactions of Hillary Clinton (and many U.S. allies), for whom talk of an "obsolete" NATO and of building walls, both literal (along the southern border) and figurative (by threatening punitive tariffs against major trading partners), is irresponsible and wrongheaded [Time. 25.07.2016: 31]. (12)

Предварительный анализ показывает, что в современном политическом дискурсе реализуется приблизительно одинаковое количество указаний на отрицательные и положительные эмоции и чувства. Как известно, число лексем, обозначающих отрицательные эмоции, в языковой системе значительно превышает число лексем, обозначающих положительные эмоции. Так, А. Вежбицкая выделяет «норму» коммуникации, соответствующую некоему ожидаемому стандарту общения. «Отклонение» от этого стандарта (нормы) предполагает противопоставление включаемых в эти группы понятий [Вежбицкая 1996: 81]. Если рассматривать положительные эмоции коммуниканта/автора как ожидаемые, следует отметить, что достижение нормы, в понимании некоторых лингвистов, — это есть цель, должное, но человек «принимает хорошее не как должное <...>, а как явление, заслуживающее внимания и поощрения и потому, безусловно, достойное сообщения». Также отмечается, что при этом проявления нормы «почти столь же информативны, как сообщения об отклонении от нормы. Вследствие этого ситуация соответствия стандарту и особенно превышения требований имеет такой же широкий выход в лексику, как и ситуация несоответствия» [Арутюнова 1988: 235].

Из приведенных нами примеров видно, что положительные эмоции по частотности упоминания в политическом тексте не уступают отрицательным. Попутно отметим, что существуют целые статьи, набор эмоций которых состоит по большей части из обозначений отрицательных или положительных эмоций в зависимости от цели автора или его отношения к происходящему политическому событию (действию).

В целом ряде случаев «знак эмоции» (положительный или отрицательный) можно определить только по контексту. Например, эмоция *surprise* (*a feeling of mild astonishment or shock caused by something unexpected*) [OED: URL] может выступать как положительная и как отрицательная реакция на со-

бытие. В следующем примере описывается неожиданный и поэтому вызывающий удивление результат выборов — поражение партии социал-демократов:

*Mrs Merkel's Christian Democrats won another German state election, this time in North Rhine-Westphalia. It was the third **surprise** consecutive defeat for the Social Democrats* [The Economist. 20.05.2017: 7]. (13)

На основании анализа контекста можно сделать вывод о том, что победа христианских демократов должна была расцениваться ими как приятная (положительная) неожиданность, в то время как для социал-демократов эта неожиданность явно была неприятной (отрицательной). Рассмотрим еще один контекст:

*Palestinians, for their part, talk of their **dismay** at how Jordanian troops gave up Jerusalem's Old City with barely a fight, and of their **surprise** at discovering that the armoured vehicles rumbling into the city were not Iraqi reinforcements but Israeli* [The Economist. 20.05.2017: 204]. (14)

В данном контексте слово *surprise* указывает на скорее неприятную эмоцию, что поддерживается в описываемой ситуации употреблением существительного *dismay* (*concern and distress caused by something unexpected*) [OED: URL].

Отметим попутно, что «surprise» и его синоним «astonishment» являются одними из самых частотных эмотивов в англоязычном политическом дискурсе. Это близкие синонимы, однако между ними имеются и некоторые семантические различия:

- “Surprise can mean to come upon another suddenly and with startling effect, or, more broadly, it can apply to an unexpected or unanticipated development that tends to arouse some degree of surprise, amazement, or wonder: both senses imply a lack of preparation or a reversal of what is anticipated.”

- “Astonish can imply a dazing or silencing (...) or may mean to surprise so greatly as to seem incredible (...) or sometimes merely unusual (...)” [Webster's New Dictionary of Synonyms 1984: 804].

Таким образом, семантика «astonishment» указывает на большую степень неожиданности для коммуниканта и на его неспособность быстро принять решение, в то время как «surprise», скорее, указывает на то, что коммуниканта застали врасплох. Эти семантические особенности рассматриваемых синонимов обычно акцентируются в контексте, например:

*In retrospect, four electoral votes hardly ended up being the difference, but in the heat of the coverage, as the **astonishment** of the*

evening unfolded, there was a moment when the NBC News political director, Chuck Todd, stood before his digital map of the country, breaking down the evenness of the race <...> [The NYTM. 20.11.2016: 38]. (15)

В данном примере сообщается важная деталь — то, что выпускающий редактор «NBC News» застыл перед электронной картой, пытаясь осмыслить приходящие из разных частей страны известия о результатах выборов, чем явно продемонстрировал свою способность быстро и сдержанно отреагировать на происходящее.

Интересно отметить, что в политическом дискурсе достаточно часто реализуется и указание на отсутствие ожидаемой эмоции:

*The company now calls itself “The World's No.1 Site for Medical, Illness & Healing fundraising” and says it has raised \$5bn for users globally since 2010. It should be **no surprise** that healthcare proved fertile territory* [FTW. 13.01.2018: 85]. (16)

Конструкция «It's no surprise...» не только указывает на отсутствие эмоции, но и фактически воссоздает целую политическую ситуацию, подчеркивая, что сбор денег на лечение больных всегда создавал благоприятную почву для злоупотреблений.

Перейдем к рассмотрению второй группы эмотивов, представленных в нашем материале, куда мы относим указания на эмоционально-интеллектуальные состояния. Отсутствие четкого различия между эмоциональным и эмоционально-интеллектуальным состояниями человека представляет собой определенную трудность. Обозначим условную границу между ними, опираясь на накопленные психологической наукой знания.

Эмоционально-интеллектуальные состояния отличаются от эмоций тем, что являются гораздо более длительно протекающими процессами (*to feel uneasy, to be constraint*). Эмоции, в свою очередь, представляют собой чувственные (часто краткие и спонтанные) психологические реакции и тесно связаны с сознанием человека. Однако при таком психологическом подходе возникает ряд вопросов. Например, «страх» может быть краткой и спонтанной эмоцией, но может быть и длительным состоянием, основанным на логическом восприятии человека (ср. *I'm afraid of dogs. / William was suddenly afraid for her.*) [OED: URL]. Определить, к какой категории — эмоциям или эмоционально-интеллектуальным состояниям — относится то или иное указание на эмоцию, бывает достаточно сложно. Поскольку граница между эмоциями и эмоционально-интеллектуальными состояниями не является четкой, для

цели нашего исследования мы использовали чисто лингвистические критерии и относили ко второй группе эмотивов словосочетания с глаголами *feel, be, continue, seem* и другими, например: *to feel a stab of pain, to feel much less confident, to feel unwelcome, to feel like (mutiny), to feel pleased*:

*Soon Christians will be **made to feel unwelcome** in Europe itself* [The Spectator. 21.10.2017: 11]. (17)

Такие словосочетания представляют особый интерес, поскольку агент всегда является индивидом или коллективом, способным переживать то или иное эмоциональное состояние в результате чьих-либо положительных (18) или отрицательных действий (19) по оценке реципиента:

*I visualise him [D. Trump], as he is banging out these frequently deranged messages on his tablet, doing that weird epicene puckering of the mouth thing, and then **feeling pleased with himself*** [The Spectator. 21.10.2017: 17]. (18)

*Scepticism remains strong among Social Democrats, who **feel the party lost** its identity in the previous grand coalition between 2013 and 2017* [FTW. 13.01.2018: 4]. (19)

Третья группа указаний на эмоции относится к их физическим проявлениям. В этом случае предполагается реализация эмоциональных реакций через различные части речи (это такие слова, как *smiled, laughed, was petrified, turn cold, cry, tears, shout, yelling* и др.). Англоязычный газетно-журнальный политический дискурс отличается разнообразием проявлений как положительных (*smile/laugh*), так и отрицательных эмоций (*tears/shout*).

Таким образом, под проявлениями эмоций мы понимаем сопровождающие эмоцию физические реакции человека, связанные с повышением или понижением температуры тела, с внутренними физическими ощущениями, изменением характера движения, с тем, как человек произносит слова, с его мимикой и др.

Рассмотрим следующий пример:

*Yes, this is a somewhat belated Damascene conversion: many of you arrived at this conclusion even long before I **was whooping and hollering in paroxysms of pleasure** at his election a year ago* [The Spectator. 21.10.2017: 17]. (20)

Интересно отметить, что используемые автором лексические единицы, обозначающие проявление отрицательной эмоции путем введения метафоры болезни (*whoop: a long rasping indrawn breath, characteristic of whooping cough; paroxysm: a sudden recurrence or attack of a disease*) и относительно нейтральные разговорные слова (*to holler:*

informal: give a loud shout or cry) [OED: URL] указывают на то, что перед нами пример проявления негативной эмоциональной реакции. В то же время автор относит все это к проявлениям положительной эмоции (*pleasure*), что, с одной стороны, создает юмористический эффект через оксюморон, а с другой — ярко описывает смешанные чувства американцев по поводу избрания Д. Трампа.

Выделим примеры, когда сама эмоция не называется, но легко определяется через ее основные проявления:

*Lord Curzon was less stoical: after a long and **fruitless** meeting with the obdurate French Prime Minister Raymond Poincare, he staggered out of the room **in tears** saying, 'I can't stand that horrible little man. I can't stand him!'* [The Spectator. 21.10.2017: 18]. (21)

В следующем примере Трамп и Ким Чен Ын представляются психически нездоровыми людьми, кричащими друг другу оскорбления на площадке для несовершеннолетних преступников, что рисует красочную картину неконструктивного диалога, который складывается в результате переговоров двух сторон. Оценка и ирония как вспомогательные средства позволяют представить отрицательную эмоцию как ключевую в данном контексте и в данных политических переговорах в целом:

*The ludicrous and **embarrassing** exchanges with Kim Jong-un, for a start — two stunted mentals **yelling insults** in a borstal playground, even if Trump's deeds in that neck of the woods have been rather more judicious than his words (so far)* [The Spectator. 21.10.2017: 17]. (22)

Проведенное нами изучение языкового материала позволяет сделать вывод о том, что в англоязычном политическом дискурсе разного рода указания на эмоции и их проявления встречаются гораздо чаще, чем обычно принято считать. Политический дискурс во многих случаях фиксирует эмоциональную реакцию прямых или косвенных участников на происходящее. Чаще всего представляется целая палитра эмоциональных и психологических реакций, которые образуют в тексте цепочки лексических единиц, раскрывающие эмоциональное состояние участников события и наблюдателя. Например, в следующем примере автор выражает всестороннюю сложность сложившейся политической ситуации путем создания настроения социальной безысходности с помощью слов, обозначающих эмоции, чувства, а также эмоционально-интеллектуальные состояния, что позволяет адресату поддержать точку зрения автора, проявив сочувствие к жертвам событий:

We could have opposed attempts to un-

*dermine Kurdistan's autonomy, while reminding the Kurdistan government that the route to independence would not be found by a **protest** referendum. But instead we walked away — to the **dismay** of our Kurdish allies, and to the **delight** of Iran* [The Spectator. 21.10.2017: 3]. (23)

В контексте (24) слова *fears* и *hopeful* относятся к одному коммуниканту, а *wants* — к другому. При этом описание намерений и желаний премьер-министра является более развернутым (*wants to use the departure to "protect and extend" workers' rights*), поэтому выражает не только желание, но и решимость предпринять определенные действия:

*Frances O'Grady, general secretary of the Trades Union Congress, expressed **fears** that protections given to workers under the EU working time directive — and separate legislation covering parental leave and other benefits — could be watered down after Britain has fully left the bloc. The prime minister has said she **wants** to use the departure to "protect and extend" workers' rights, and to that effect into the Conservative party's 2017 election manifesto. Ms O'Grady said in an interview: "I'm always **hopeful** when politicians talk about improving workers' rights but there's come a point where you want to see the evidence that isn't just words"* [FTW. 13.01.2018: 2]. (24)

Рассматривая особенности указания на эмоции, необходимо обозначить ряд контекстуальных условий, при которых в англоязычном политическом дискурсе происходит экспликация эмоциональных, чувственных и интеллектуальных состояний. В большинстве случаев в нашем материале такие контексты базируются на *метафорической концептуализации*.

Одним из наиболее распространенных способов концептуализации в политическом дискурсе является *персонафикация* [Беляевская 2013: 45]. Как показывает исследование политического дискурса, персонафикация является основным методом метафорического представления и позволяет читателю изобразить государство, страну, политическую партию, общественную или политическую организацию как носителя эмоции — некое существо, способное самостоятельно переживать то или иное эмоциональное состояние, подобно человеку:

Beijing has asserted itself** in the South China Sea, though regional flashpoints remain, from North Korea and Taiwan to the **uneasy relationship with India** and the continuing **confrontation with Japan [The Spectator. 21.10.2017: 13] (25).

Правительство воспринимается как один человек или все население определенной страны (города), как тот, кто принимает реше-

ния и осуществляет действия, направленные на установление или разрыв контактов:

*Making up with **Seoul**: After a yearlong diplomatic spat, **China and South Korea have restored cordial relations**. **China had slapped** an economic boycott on South Korean products after Seoul let the U.S. deploy an advanced anti-missile system — the Terminal High Altitude Area Defense — on its territory* [The Week USA. 10.11.2017: 9]. (26)

Отметим, что в политическом дискурсе носителями эмоции намного чаще выступают общественные организации, чем люди, которые их представляют:

***The central government has felt the need** to clamp down more than usual during the Congress period on the largely Muslim western territory of Xinjiang <...>* [The Spectator. 21.10.2017: 13]. (27)

Не менее важным контекстуальным основанием для реализации эмотивов в англоязычном политическом дискурсе является *объективация* как возможность перенесения эмоции или чувства в материальный мир с представлением ее в роли некоего объекта, который можно получить или отдавать. Рассмотрение эмоциональной реакции с позиций объекта позволяет представить невидимое в виде чего-то видимого и осязаемого, наделив эмоцию дополнительными свойствами (например, способностью к делению):

*We adopted the word "robot" from a popular 1921 play by the Czech writer Karel Capek about a factory that turns out robots, from **robot**, a Czech word for forced labor, who rise up and exterminate humanity. But the citizens of Singapore, Korea and Japan, the world's leading users of industrial robots, and China, the most rapidly growing market for them, generally **don't share the same anxieties*** [The NYTM. 26.02.2017: 33]. (28)

Движение является следующей метафорической концептуальной моделью, позволяющей ввести в политический дискурс указание на эмоциональное состояние человека, поскольку позволяет описывать переход от эмоционального состояния к безэмоциональному (29) или из одного эмоционального состояния в другое (30):

*Some argue that the administration and Senate are pushing too many nominees through too quickly, but that is their prerogative: senators can slow the process if they **feel steamrolled*** [The Economist USA. 13.01.2018: 24]. (29)

The constitutional court ruled on Thursday that the pre-trial detention of Mehmet Altan and Sahin Alpay violated their right to freedom of expression and said they should be released.

(...) *After the lower courts refused to release the two men, **elation turned to dismay*** [FTW. 13.01.2018: 5]. (30)

В английской концептосфере представлена и концептуализация эмоций и чувств путем обращения к стихиям. Самыми часто употребляемыми аналогиями являются ассоциации с землей и водой. Причем «текущие эмоции» отличаются быстрой изменчивостью, преобразованием в другое состояние, большей подвижностью [Арутюнова 1998: 390]. Исследователи объясняют такие ассоциации жизненной потребностью человека в воде [Магомедова 2015: 110]:

*Frances O'Grady, general secretary of the Trades Union Congress, expressed **fears** that protections given to workers under the EU working time directive <...> could be **watered down** after Britain has fully left the bloc* [FTW. 13.01.2018: 2]. (31)

Интересно отметить, что стихия земли в политическом тексте представлена посредством фитоморфной метафоры:

*Her [MsO'Grady's] **concern** is partly **rooted** in how some of Mrs May's senior ministers believe that Brexit will give the government a once-in-a-lifetime opportunity to cut back employment laws* [FTW. 13.01.2018: 2]. (32)

Несмотря на классификационное разграничение метафорических концептуализаций, эксплицирующих эмоции, в современном англоязычном политическом дискурсе встречается и совместная реализация (конвергенция) нескольких метафорических концептов.

Например, концептуальная метафора движения очень часто сочетается с концептуальной метафорой воды. В таком случае политические действия и процессы, описываемые автором, представляются не напрямую, а через стихию воды, что позволяет ввести в политический дискурс указание на эмоции. Например:

*But what China's leaders don't see is that the greatest **threat** posed by technology comes from the power of automation to decimate manufacturing jobs and the state's inability to control the **flow of information** in a **world of leaks**, cyberespionage and other forms of "forced transparency." Those are the kinds of forces even Xi can't control* [Time. 25.07.2016: 12]. (33)

*The working class, or at least the white part, has **emerged** as our great national mystery. Traditionally Democratic, they helped elect a flamboyantly ostentatious billionaire to the presidency. "What's wrong with them?" the liberal pundits keep asking. Why do they believe Trump's promises? Are they stupid or just **deplorably** racist? Why did the working class align itself against its own interests?* [The NYTM. 26.02.2017: 28]. (34)

Фитоморфная метафора также оказывается тесно связанной с движением и динамикой. Наиболее наглядно демонстрирующими качественные и количественные изменения свойств объекта являются примеры фитоморфных метафор разрастания и цветения:

*And it eliminates the alternative minimum tax — essentially the sole reason Trump paid any tax on his \$150 million income in the 2005 return that was partly leaked to the press. Trump "doesn't just benefit from his tax plan," said Jamelle Bouie in Slate.com. "He **flourishes** under it"* [The Week USA. 13.10.2017: 16]. (35)

Одна из наиболее популярных фито- и зооморфных метафор подчеркивает главное свойство живого организма — развитие и рост ("(of a living thing) undergo natural development by increasing in size and changing physically". —> "become larger or greater over a period of time; increase") [OED: URL]:

*Instead the party is trying to preserve support among Malay voters by reinforcing pro-Malay policies and by building bridges with PAS, an Islamist opposition party that is **growing more extreme*** [The Economist. 20.05.2017: 18]. (36)

Приведем еще один любопытный пример:

*Any 'hate speech' about it **tars** you as an Islamophobe, a designation that by 2037 lands you in the slammer for ten years* [The Spectator. 21.10.2017: 21]. (37)

Глагол «tars» (от «to tar») в последнем примере мы относим к фитоморфной метафоре с учетом этимологии: согласно Оксфордскому словарю, изначально это слово возникло от древнеанглийского «teru, teogu» (tree), а с течением времени стало использоваться для обозначения смолы (дегтя). Однако мы допускаем, что такое отнесение условно: в переносном значении также прослеживается категоризация по группам «черное/тьма» (то, что «плохо») и «белое/свет» (то, что «хорошо»), наводящая на мысль о том, что коммуникативной целью автора текста была реализация концептуальной оппозиции «добро — зло». Помимо этого, характерные особенности вещества (темного, похожего на грязь), его цвет и вязкая, липкая структура, а также перенесение этих особенностей на репутацию человека позволяют классифицировать данную метафору как пример объективизации.

Несмотря на то что большинство обнаруженных нами фитоморфных метафор было связано с динамическими процессами, нашлись и фитоморфные метафоры, базирующиеся на статичных явлениях (см. примеры 21 и 32).

Несмотря на то что большинство лингвистов, занимающихся исследованием мета-

форической концептуализации и репрезентацией эмоций, отмечают, что эмоции очень часто концептуализируются через огонь и повышенную температуру [Lakoff 2003; Lakoff 2008; Апресян В. Ю., Апресян Ю. Д. 2007: 293—307 и др.], нами подобные концептуализации были выявлены только в художественной литературе [Нигматуллина 2016: 170—172]. В текстах, отобранных из более сотни английских политических газет и журналов, данная метафорическая концептуализация не была связана с выражением эмоций и чувств.

Суммируя вышесказанное, можно сделать вывод о том, что политические события в современном англоязычном политическом дискурсе подаются на достаточно явно представляемом эмоциональном фоне. Политика, будучи сферой поиска доказательств неких идеологических установок и борьбы за власть, является и областью воздействия на общественное мнение, и проведенный нами анализ показывает, что прагматические цели автора подкрепляются отчетливо проявляющимся эмоциональным фоном, в связи с чем большую роль в политическом тексте в последнее время начинают играть лексические единицы, служащие указаниями на эмоциональную реакцию участников событий.

ИСТОЧНИКИ

1. Financial Times Weekend (FTW), the. 13.01.2018.
2. Economist USA, the. 13.01.2018.
3. Economist, the. 20.05.2017.
4. New York Times Magazine (NYTM), the. 20.11.2016.
5. New York Times Magazine (NYTM), the. 26.02.2017.
6. New York Times Magazine (NYTM), the. 06.11.2016.
7. Spectator, the. 21.10.2017.
8. Week USA, the. 21.04.2017.
9. Week USA, the. 13.10.2017.
10. Week USA, the. 10.11.2017.
11. Time, the. 25.07.2016.
12. Collins Online Dictionary and Thesaurus [Electronic resource]. URL: <https://www.collinsdictionary.com> (date of access: 21.01.2018).
13. Oxford English Dictionary [Electronic resource]. URL: www.oed.com/ (date of access: 21.01.2018).
14. Webster's New Dictionary of Synonyms. A dictionary of discriminated synonyms and analogous and contrasted words. — Springfield, Massachusetts, USA : Merriam-Webster Inc., Publ., 1984. 909 p.

ЛИТЕРАТУРА

15. Алешина Е. Ю. Публичный политический дискурс конфликтной ситуации. — М. : Прометей, 2015. 220 с.
16. Апресян В. Ю., Апресян Ю. Д. Метафора в семантическом представлении эмоций // Вопросы языкознания. 1993. № 3. С. 27—35.
17. Апресян В. Ю., Апресян Ю. Д. Метафора в семантическом представлении эмоций // Актуальные проблемы современной лингвистики. — М. : Флинта : Наука, 2007. С. 293—307. 412 с.
18. Арутюнова Н. Д. Язык и мир человека. — М. : Языки русской культуры, 1998. 896 с.
19. Арутюнова Н. Д. Типы языковых значений: оценка. Событие. Факт. — М. : Наука, 1988. 341 с.
20. Баженова И. С. Обозначения эмоций в художественном тексте (прагматический аспект) : дис. ... д-ра филол. наук : 10.02.19. — М., 2004. 418 с.

21. Беляевская Е. Г. Концептуальная метафора как источник стилистических приемов в дискурсе // Вопросы когнитивной лингвистики. 2013. № 3 (36). С. 41—48.
22. Вежицкая А. Сравнение — градация — метафора // Теория метафоры. — М. : Прогресс, 1990. С. 133—152. 499 с.
23. Вежицкая А. Язык. Культура. Познание. — М. : Русск. словари, 1996. 416 с.
24. Гаврилов Л. А., Зарипов Р. И., Романов А. С. Об экспрессивности «мертвых» метафор // Политическая лингвистика. 2017. № 4. С. 91—95.
25. Демьянков В. З. Политический дискурс как предмет политологической филологии // Политическая наука. Политический дискурс: история и современные исследования. 2002. № 3. С. 32—43.
26. Ивашкович Т. И., Максимова Е. О. Эмотивы в дискурсивном пространстве художественного текста // Эмоциональные концепты в структуре художественного произведения : материалы Междунар. заоч. науч. конф. (г. Астрахань, 20—25 апр. 2013 г.) / ФГБОУ ВПО «Астрахан. гос. ун-т». — Астрахань, 2013. С. 60—62.
27. Ильин Е. П. Эмоции и чувства : учеб. пособие. — СПб. : Питер, 2013. 784 с.
28. Красавский Н. А. Эмоциональные концепты в немецкой и русской лингвокультурах. — Волгоград : Перемена, 2001a. 495 с.
29. Красавский Н. А. Динамика эмоциональных концептов в немецкой и русской лингвокультурах : дис. ... д-ра филол. наук : 10.02.19. — М., 2001b. 507 с.
30. Лепеньшева А. А. К вопросу о роли эмоции «Удивление» в когнитивно-информационной деятельности человека (на примере художественных текстов) // Вестн. Перм. ун-та. 2011. № 1. С. 45—51.
31. Магомедова С. М. Метафоризация гнева в аварском языке // Вопросы когнитивной лингвистики. 2015. № 2 (43). С. 110.
32. Нигматуллина Э. Р. Метафорические модели эмоций недовольства в русском и английском неформальном общении // Молодежь в науке: новые аргументы : сб. науч. работ 4 Междунар. молодеж. конкурса. — Липецк : Аргумент, 2016. Ч. 1. С. 170—172.
33. Обвинцева О. В. Средства эмоционального воздействия в предвыборных речах жен кандидатов в президенты США М. Обамы и Э. Ромни // Политическая лингвистика. 2012. № 4 (42). С. 163—167.
34. Одноралова А. А. Пейзаж как средство репрезентации эмоций в английской художественной прозе // Инновационная наука. 2016. № 4-4 (16). С. 104—106.
35. Седых А. П. Эмоционально-экспрессивные компоненты фразеологического дискурса В. В. Путина и А. Меркель // Политическая лингвистика. 2012. № 2. С. 39—45.
36. Сопова И. В. Эмоционально-экспрессивная составляющая фразеологического дискурса В. В. Путина // Язык и культура. 2014. № 11. С. 29—33.
37. Чернякова Ю. С. Эмотивность американского и русского политического дискурса // Функциональная семантика и семиотика знаковых систем : сб. науч. ст. — М., 2011. С. 114—120.
38. Шаховский В. И. Лингвокультурология эмоций : учеб.-метод. пособие. — Волгоград : ВГПУ «Перемена», 2007. 80 с.
39. Шаховский В. И. Что такое лингвистика эмоций // Мир лингвистики и коммуникации : электрон. науч. журн. 2008. № 1 (12). С. 22—30.
40. Шаховский В. И. Эмоции в национальном характере и стереотипах как лингвокультурологическая и лингводидактическая проблема // Вопросы психолингвистики. 2010a. № 11. С. 51—55.
41. Шаховский В. И. Эмоции: долингвистика, лингвистика, лингвокультурология. — М. : Книжный дом «Либроком», 2010b. 128 с.
42. Lakoff G. Women, Fire, and Dangerous Things. — Univ. of Chicago Pr., 2008. 632 p.
43. Lakoff G., Johnson M. Metaphors We Live By. — Univ. of Chicago Pr., 2003. 242 p.

E. R. Nigmatullina
Moscow, Russia

EMOTIVES IN POLITICAL DISCOURSE IN ENGLISH: THE ROLE AND CONDITIONS

ABSTRACT. *The aim of this research is to study emotives in contemporary political discourse in English and to reveal contextual conditions of their functioning. The analysis of emotive means in political discourse in English is very relevant today especially in the frames of the study of manipulation mechanisms in political competition. The material for this research is made of 170 articles of socio-political content published in June 2016 — January 2018. Emotives, i.e. means expressing emotions, include names of emotions, emotional states and display of emotions. There are certain contextual conditions that stimulate the appearance of emotives in political texts in English. Metaphoric conceptualization is the most frequent condition in the analyzed texts. The most wide-spread metaphorical means are analyzed: personification (political forces are the bearers of emotions), objectivation (emotions are transferred to the world of things, they are presented as objects that can be given or taken), and move (transition from one emotion to another). Politics, being a sphere full of search for evidence and defense of ideological views and fight for power, is a sphere of manipulation of the public opinion and the undertaken analysis proves that pragmatic goals of text authors are supported by the emotional background, that is why emotional vocabulary plays an important role in contemporary political texts.*

KEYWORDS: *political discourse; emotiology; emotives; typology of emotives; conceptual metaphor; political metaphorology.*

ABOUT THE AUTHOR: *Nigmatullina Elina Rustemovna, Post-graduate Student, Department of English Lexicology, Moscow State Linguistic University, Moscow, Russia.*

REFERENCES

1. Financial Times Weekend (FTW), the. 13.01.2018.
2. Economist USA, the. 13.01.2018.
3. Economist, the. 20.05.2017.
4. New York Times Magazine (NYTM), the. 20.11.2016.
5. New York Times Magazine (NYTM), the. 26.02.2017.
6. New York Times Magazine (NYTM), the. 06.11.2016.
7. Spectator, the. 21.10.2017.
8. Week USA, the. 21.04.2017.
9. Week USA, the. 13.10.2017.
10. Week USA, the. 10.11.2017.
11. Time, the. 25.07.2016.
12. Collins Online Dictionary and Thesaurus [Electronic resource]. URL: <https://www.collinsdictionary.com> (date of access: 21.01.2018).
13. Oxford English Dictionary [Electronic resource]. URL: www.oed.com/ (date of access: 21.01.2018).
14. Webster's New Dictionary of Synonyms. A dictionary of discriminated synonyms and analogous and contrasted words. — Springfield, Massachusetts, USA : Merriam-Webster Inc., Publ., 1984. 909 p.
15. Aleshina E. Yu. Publichnyy politicheskiy diskurs konfliktnoy situatsii. — M. : Prometey, 2015. 220 s.
16. Apresyan V. Yu., Apresyan Yu. D. Metafora v semanticheskom predstavlenii emotsiy // Voprosy yazykoznaniya. 1993. № 3. S. 27—35.
17. Apresyan V. Yu., Apresyan Yu. D. Metafora v semanticheskom predstavlenii emotsiy // Aktual'nye problemy sovremennoy lingvistiki. — M. : Flinta : Nauka, 2007. S. 293—307. 412 s.
18. Arutyunova N. D. Yazyk i mir cheloveka. — M. : Yazyki russkoy kul'tury, 1998. 896 s.
19. Arutyunova N. D. Tipy yazykovykh znacheniy: otsenka. So-bytie. Fakt. — M. : Nauka, 1988. 341 s.
20. Bazhenova I. S. Oboznacheniya emotsiy v khudozhestvennom tekste (pragmaticheskiy aspekt) : dis. ... d-ra filol. nauk : 10.02.19. — M., 2004. 418 s.
21. Belyaevskaya E. G. Kontseptual'naya metafora kak istochnik stilisticheskikh priemov v diskurse // Voprosy kognitivnoy lingvistiki. 2013. № 3 (36). S. 41—48.
22. Vezhbitskaya A. Sravnenie — gradatsiya — metafora // Teoriya metafory. — M. : Progress, 1990. S. 133—152. 499 s.
23. Vezhbitskaya A. Yazyk. Kul'tura. Poznanie. — M. : Russk. slovari, 1996. 416 s.
24. Gavrilov L. A., Zaripov R. I., Romanov A. S. Ob ekspresivnosti «mertvykh» metafor // Politicheskaya lingvistika. 2017. № 4. S. 91—95.
25. Dem'yankov V. Z. Politicheskiy diskurs kak predmet politologicheskoy filologii // Politicheskaya nauka. Politicheskiy diskurs: istoriya i sovremennye issledovaniya. 2002. № 3. S. 32—43.
26. Ivashkovich T. I., Maksimova E. O. Emotivy v diskursivnom prostranstve khudozhestvennogo teksta // Emotsional'nye kontsepty v strukture khudozhestvennogo proizvedeniya : materialy Mezhdunar. zaoch. nauch. konf. (g. Astrakhan', 20—25 apr. 2013 g.) / FGBOU VPO «Astrakhan. gos. un-tet». — Astrakhan', 2013. S. 60—62.
27. Il'in E. P. Emotsii i chuvstva : ucheb. posobie. — SPb. : Piter, 2013. 784 s.
28. Krasavskiy N. A. Emotsional'nye kontsepty v nemetskoj i russkoy lingvokul'turakh. — Volgograd : Peremena, 2001a. 495 s.
29. Krasavskiy N. A. Dinamika emotsional'nykh kontseptov v nemetskoj i russkoy lingvokul'turakh : dis. ... d-ra filol. nauk : 10.02.19. — M., 2001b. 507 s.
30. Lepenyshva A. A. K voprosu o roli emotsii «Udivlenie» v kognitivno-informatsionnoy deyatel'nosti cheloveka (na primere khudozhestvennykh tekstov) // Vestn. Perm. un-ta. 2011. № 1. S. 45—51.
31. Magomedova S. M. Metaforizatsiya gneva v avarskom yazyke // Voprosy kognitivnoy lingvistiki. 2015. № 2 (43). S. 110.
32. Nigmatullina E. R. Metaforicheskie modeli emotsiy nedovol'stva v russkom i angliyskom neformal'nom obshchenii // Molodezh' v nauke: novye argumenty : sb. nauch. rabot 4 Mezhdunar. molodezh. konkursa. — Lipetsk : Argument, 2016. Ch. 1. S. 170—172.
33. Obvintseva O. V. Sredstva emotsional'nogo vozdeystviya v predvybornykh rechakh zhen kandidatov v prezidenty SShA M. Obamy i E. Romni // Politicheskaya lingvistika. 2012. № 4 (42). S. 163—167.
34. Odnoralova A. A. Peyzazh kak sredstvo reprezentatsii emotsiy v angliyskoy khudozhestvennoy proze // Innovatsionnaya nauka. 2016. № 4-4 (16). S. 104—106.
35. Sedykh A. P. Emotsional'no-ekspressivnye komponenty frazeologicheskogo diskursa V. V. Putina i A. Merkel' // Politicheskaya lingvistika. 2012. № 2. S. 39—45.
36. Sopova I. V. Emotsional'no-ekspressivnaya sostavlyayushchaya frazeologicheskogo diskursa V. V. Putina // Yazyk i kul'tura. 2014. № 11. S. 29—33.
37. Chernyakova Yu. S. Emotivnost' amerikanskogo i russkogo politicheskogo diskursa // Funktsional'naya semantika i semiotika znakovykh sistem : sb. nauch. st. — M., 2011. S. 114—120.
38. Shakhovskiy V. I. Lingvokul'turologiya emotsiy : ucheb.-metod. posobie. — Volgograd : VGPU «Peremena», 2007. 80 s.
39. Shakhovskiy V. I. Chto takoe lingvistika emotsiy // Mir lingvistiki i kommunikatsii : elektron. nauch. zhurn. 2008. № 1 (12). S. 22—30.
40. Shakhovskiy V. I. Emotsii v natsional'nom kharaktere i stereotipakh kak lingvokul'turologicheskaya i lingvodidakticheskaya problema // Voprosy psikholingvistiki. 2010a. № 11. S. 51—55.
41. Shakhovskiy V. I. Emotsii: dolingvistika, lingvistika, lingvokul'turologiya. — M. : Knizhnyy dom «Librokom», 2010b. 128 s.
42. Lakoff G. Women, Fire, and Dangerous Things. — Univ. of Chicago Pr., 2008. 632 p.
43. Lakoff G., Johnson M. Metaphors We Live By. — Univ. of Chicago Pr., 2003. 242 p.